

Brandner, Aleš

[Калугин, В.В. Язык и письменность Древней Руси]

Opera Slavica. 2011, vol. 21, iss. 4, pp. 66-69

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117452>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

глаголы, выражающие однократность или многократность действия, в отрицательной конструкции меняют свое значение на противоположное.

В заключение настоящей главы автор констатирует наличие в русском языке на глубинном уровне общей грамматической категории, объединяющей имя и глагол, которую он называет категорией партитивности.

В самостоятельном разделе, названном „Экскурсе” помещены „Замечания о втором предложном падеже” (с. 63–74). Вторым предложным называется его местный вариант, который появляется в сочетании с предлогами *в, на* у ограниченной группы слов, обозначающих неодушевленные существительные мужского и женского рода (ср.: *в лесу, в снегу, на мосту, в кровѣ*). Автор отмечает, что отношения между вторым предложным и первым предложным падежом могут напоминать отношения между вторым родительным и первым родительным (ср.: *в лесу – из лесу, в снегу – много снегу*), причем форма второго предложного может заменяться при определенных условиях на соответствующую форму первого предложного падежа. К такой замене может приводить в ограниченном количестве примеров введение определения: *в песку × в золотом песке, руки в кровѣ × руки в человеческой кровѣ*). К автоматической замене приводит образование уменьшительной формы: *в саду × в садике, в садочке; на мосту × на мостике, на мосточке*). Есть, однако, единичные исключения: они сводятся к нескольким словам на *-ок*: *в уголке // в уголку, на бережке // на бережку*. Автор предполагает, что в свое время второй предложный падеж был, по-видимому, маркированным по отношению к первому предложному: значение первого предложного покрывало значение второго предложного и, соответственно, форма второго предложного могла всегда заменяться на форму первого предложного без изменения значения фразы. В некоторых случаях такие отношения могут наблюдаться в современном языке: *в шелку // в шёлке появилась моль, он сейчас в отпуску // в отпуске*. Можно, однако, привести примеры, когда мена форм невозможна (ср.: *Сколько красоты в лесу* – речь идет о красивых объектах внутри леса – фраза представляет отношение части и целого; × *Сколько красоты в лесе* – красота выступает как характеристика леса – отношение части и целого оказывается неактуальным). Форма второго предложного падежа имеет значение местонахождения. В основе противопоставления обоих предложных падежей лежит противопоставление качественной и реляционной характеристики.

Следуют „Примечания” (с. 75–110), которые содержат комментарии, дополняющие изложение в отдельных главах книги. Вслед за тем находится списокок „Цитируемой литературы” (с. 111–122), на которую автор опирался, или ссылается на ее статьи, или с их авторами полемизирует. Содержание („Оглавление”, с. 5–7) помещено в начале книги.

Алеш Бранднер

Калугин, В. В.: Язык и письменность Древней Руси. Лекции по истории русского литературного языка XI–XVII веков. Москва, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2005. – 272 с. ISBN 5-98269-036-8

Настоящая книга, автором которой является Василий Васильевич Калугин, сложилась на основе лекций по курсу „История русского литературного языка”, чита-

вшаая в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина в 2002–2005 гг. Работа обзореает в хронологической последовательности основные явления в истории древнерусского книжного языка XI–XVII веков. Языковая ситуация Древней Руси охарактеризована как существование и постоянное взаимодействие двух языков: церковнославянского и образовавшегося под его влиянием древнерусского языка. История русского литературного языка рассматривается в связи с историей русского народа, его литературы и письменности.

В вступительной части указана обязательная и дополнительная литература по всему курсу. Здесь отмечается, что основоположником истории русского литературного языка как самостоятельной научной дисциплины является видный представитель русского языкознания А. И. Соболевский (1856–1929), который был преемником своего учителя Ф. И. Булаева (1818–1897), родоначальника исторического изучения русского языка. Далее напоминаются имена известных лингвистов, которые внесли большой вклад в изучение русского литературного языка (А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, Б. А. Успенский, И. С. Улуханов, О. А. Лаптева, М. Л. Ремнева и др.).

Рецензируемая книга разделена на обзорные разделы, посвященные целым периодам, и на параграфы, в которых рассматриваются частные вопросы, оригинальные и переводные письменные памятники. В конце каждой главы приводится библиография по данной теме.

В вводном разделе автор задумывается над содержанием предмета истории русского литературного языка. Затронута проблема периодизации истории русского литературного языка. Основные вехи представлены следующим образом: 1/ литературный язык Древней Руси (XI – середина XVII в.), 2/ русский литературный язык нового типа (середина XVII в. – начало XIX в.), 3/ современный русский литературный язык („от Пушкина до наших дней“). Последний период делится на три этапа: 1/ стабилизация норм русского литературного языка (начало XIX в. – 1917 г.), 2/ литературный язык советского периода и русской эмиграции (1917 г. – конец XX в.), 3/ дестабилизация норм русского литературного языка (с конца XX в.).

Вопрос о происхождении русского литературного языка и его основе, о соотношении в нем церковнославянских и древнерусских элементов породил в науке острую полемику. В книге приводятся все трактовки этой проблемы (А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова). Насчет языковой ситуации в Древней Руси распространена теория диглоссии, короткую описывали австрийская славистка Г. Хютл-Фольтер, А. В. Исаченко, а вслед за ними – Б. А. Успенский. Автор настоящей книги придерживается мнения О. Н. Трубачева, по которому на Руси имело место двуязычие, так как налицо множественные влияния народного языка на книжно-славянский и обратно – это отношение двух языков. Теории двуязычия придерживались Д. С. Лихачев, А. С. Львов, Ф. П. Филин и др. Разбирается далее теория регистров, опирающаяся на концепцию В. М. Живова, который выделяет в древнерусской письменности две системы: книжную (1/ стандартный церковнославянский регистр, 2/ гибридный регистр, допускавший отклонения от церковнославянского стандарта в сторону живой речи, делового и бытового языка) и некнижную (1/ деловой регистр, на котором составлялись различные документы, 2/ бытовой регистр, использовавшийся в повседневном обиходе).

До сих пор остается спорным вопрос о том, существовала ли на Руси письменность до принятия христианства. Рецензируемая книга в этом отношении не приносит ничего нового: письменность на Руси получила широкое распространение только с массовым принятием христианства в X в.

С XI в. говорится о начале образования древнерусского извода церковнославянского языка. Наиболее полно это проявилось в области фонетики и орфографии. Медленнее проявилось морфологическое обрусение, меньше всего были затронуты лексика и синтаксис. Автор приводит важнейшие фонетические черты, отличающие древнерусский язык от церковнославянского.

Ценнейшим лингвистическим источником считается деловая письменность. Она содержит богатый языковой материал, в большинстве случаев точно датированный и локализованный. Это исключительно важно для истории языка. Деловая письменность донесла до нас особенности живой речи своего времени. Читатель может познакомиться с древнейшими видами кириллического письма (уставом, полууставом, скорописью, вязью); даются их характеристики и хронологические рамки их употребления. Затронут также вопрос возникновения книгопечатания на Руси: в 1564 г. в Москве Иван Федоров выпустил первую печатную книгу „Апостол”.

Особое место посвящено в книге анализу языка бытовой письменности. Важнейшими ее источниками XI–XV вв. являются берестяные грамоты и памятники эпиграфики (надписей на твердом материале). Почти все берестяные грамоты написаны по-древнерусски. Их тексты отразили особенности живой речи. Наоборот, эпиграфические тексты более последовательно следуют книжной норме. Однако засвидетельствованы надписи светского характера, которые открыты влиянию разговорной речи.

В церковнославянском языке произошли некоторые изменения, связанные с т. наз. вторым южнославянским влиянием. С конца XIV в. начинается под руководством патриарха Киприана правка церковных книг: она означала искусственную архаизацию, как результат стремления сблизить русскую орфографию с южнославянской, которая считалась правильнее. В области стилистики культивировалось т. наз. плетение словес (или извитие словес), характеризующееся торжественностью, выпретенностью, архаичностью и широким использованием метафор. Период второго южнославянского влияния на Руси был эпохой большого расцвета церковнославянского языка: произошло обновление русской письменности, увеличился ее состав за счет новых переводов и редакций, оказалось влияние на ее дальнейшее развитие. В Московской Руси в первой половине XVI в. южнославянское влияние стало значительно ослабевать: раздвалились протесты против южнославянских орфографических условностей, расходящихся с письменными традициями Московской Руси. Можно говорить о языковом пуризме. В Юго-Западной Руси (или Литовской Руси, в большинстве на территории современной Белоруссии и Украины) оно, наоборот, сохраняется. Там канцелярским языком стала „проста (или руска) мова”, продолжавшая традиции деловой древнерусской письменности. По мнению норвежского слависта Христиана Станга она образовалась на основе старобелорусских говоров вокруг Вильны. Развилась она в особый литературный язык, противопоставленный церковнославянскому. Однако под влиянием усиливавшейся полонизации она ознаменовала упадок, она уступила свое место польскому языку. В XVII в. книжные традиции Юго-Западной Руси были перенесены в Московскую Русь. Этот

период иногда называют третьим южнославянским влиянием. Для автора настоящей книги этот термин не приемлем, так как, по его словам, его сторонники не учитывают более раннего влияния Московской Руси на территории Юго-Западной Руси (Литовской Руси).

В книге описывается начало грамматической традиции в Московской и Литовской Руси. Сравнительно подробно анализируется деятельность Максима Грека в Московской Руси, пытавшегося перенести на русскую почву богатый филологический опыт Византии и ренессансной Италии, где он проживал. Однако новый грамматический подход к тексту вызвало резкое неприятие со стороны традиционалистов. В Литовской Руси велись с 1580-х гг. усиленные работы по созданию церковнославянской грамматики. В 1596 г. вышла из печати грамматика Лаврентия Зизания, в 1619 г. Мелетия Смотрицкого.

Вторая половина XVII в. оказалась переходным периодом от древней литературы к новой, от книжного языка Древней Руси – к новому литературному языку. Одновременно начала усиливаться тяга к Западной Европе. В 1687 г. открылось в Москве первое высшее учебное заведение в России – Славяно-греко-латинская академия. Изменилась языковая ситуация Московской Руси. Церковнославянский язык протерпел кризис, обозначившийся в канун петровских преобразований. Появилась в 1696 г. первая грамматика русского языка Г. В. Лудольфа, созданная на латинском языке, предназначенная для иностранцев, вышедшая в Англии.

В течение XV–XVI вв. в Московской Руси развился собственный деловой язык. Этот „приказный” язык был почти свободный от церковнославянских элементов, к середине XVII в. достиг большого развития и имел все данные стать литературным. В XVII в. на этом языке создавались оригинальные и переводные произведения, не принадлежащие к деловой письменности. Автор дает краткую грамматическую характеристику этого языка.

Во второй половине XVII в. при патриархе Никоне произошли радикальные реформы. Было решено унифицировать церковный обряд по новогреческому образцу. Было принято решение начать исправление богослужебных текстов с целью устранения накопившихся ошибок и искажений. Был создан новый извод церковнославянского языка, утративший многие старорусские черты. Эти мероприятия привели к разделению общества на старообрядцев и новообрядцев. В глазах старообрядцев современная греческая церковь отступила от православия. Их знаменем стала борьба с грецизацией русской духовности. Язык исправленных богослужебных текстов они не считали своим, а чужим. Они полагали, что разрушилась предшествующая языковая традиция.

С конца XVII в. всю историю русского литературного языка до Пушкина следует рассматривать в контексте преобразований Петра Первого. Выразителем новых отношений стал „простой” язык, противостоящий старому языку церковных книг. „Простой” язык не был основан чисто на разговорной речи, а сохранял до известной степени преемственность с книжной традицией. Эту особенность почувствовал А. С. Пушкин. В его творчестве были стерты условные границы между тремя стилями ломоносовской теории.

Алеш Бранднер